Экстремальная психология и безопасность личности
202_5. *2*(2), 170–189.
https://doi.org/10.17759/epps.2025020210
ISSN 3034-3666 (online)

Extreme Psychology and Personal Safety
2025. *2*(2), 170–189.
https://doi.org/10.17759/epps.2025020210
ISSN 3034-3666 (online)

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ | PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Агрессия и аутоагрессия в зеркале самоотношения подростков

В.И. Екимова[1], **Т.Ю. Голик**[1]✉, **А.В. Левченко**[1]
1 Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ goliktyu@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Позитивное самоотношение и высокая устойчивая самооценка являются важнейшими факторами личностного развития и успешной социализации подростка. В данном контексте агрессивные и аутоагрессивные проявления могут служить внешними маркерами интрапсихических проблем формирования самосознания и самоотношения личности в подростковом возрасте. **Цель**: определение интрапсихических коррелятов агрессии и аутоагресси во внутреннем пространстве самоотношения подростка. **Гипотезы**. 1. Агрессивные и аутоагрессивные поведенческие проявления находят отражение в интрапсихическом пространстве личности подростка, в проблемах самоотношения, в частности в недостаточной уверенности в себе и в своем принятии значимыми другими. 2. Подростки с аутоагрессивными проявлениями не принимают себя, склонны к самообвинениям и используют самоповреждения преимущественно для снятия напряжения и восстановления контроля. **Методы и материалы**. В исследовании приняли участие 44 подростка, проживающих на территории Москвы (средний возраст = 14,6, SD = 1,7). Агрессия, аутоагрессия и самоотношение оценивались с помощью батареи стандартизированных опросников. **Результаты.** Проблемное самоотношение является интрапсихическим риск-фактором подростковой агрессивности/аутоагрессивности, при этом недостаточное самопринятие и «дефицит уверенности» сочетается у агрессивных подростков со сниженной критичностью и ригидностью, а у аутоагресивных — с внутренней противоречивостью и самообвиняющей позицией. Агрессивное и аутоагрессивное поведение становится при социальном подкреплении «деструктивно эффективным», так как способствует снижению внутреннего напряжения и позволяет подростку восстановить контроль над ситуацией, в

© Екимова В.И., Голик Т.Ю., Левченко А.В. 2025

CC-BY-NC

частности посредством контроля поведения окружающих. **Выводы**. С позиций культурно-исторической психологии самоотношение является интрапсихической, «превращенной» формой социальной ситуации развития подростка. Как интегральное образование самосознания, самоотношение характеризует позицию личности по отношению к себе и *отражает личностную позицию подростка в системе его межличностных отношений*. Решение интерпсихических проблем подростковой агрессивности/аутоагрессивности лежит в плоскости формирования интрапсихической рефлексивно-субъектной позиции развивающейся личности.

Ключевые слова: подростковый кризис, каскады развития, агрессия, аутоагрессия, самоотношение, интериоризация, экстериоризация

Финансирование. Исследование выполнено в рамках бюджетного финансирования.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования подростков — участников опроса.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: iropse@mail.ru

Для цитирования: Екимова, В.И., Голик, Т.Ю., Левченко, А.В. (2025). Агрессия и аутоагрессия в зеркале самоотношения подростков. *Экстремальная психология и безопасность личности, 2*(2), 170—189. https://doi.org/10.17759/epps.2025020210

Aggression and auto-aggression in the mirror of adolescents' self-attitude

V.I. Ekimova[1], **T.Yu. Golik**[1]✉, **A.V. Levchenko**[1]
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ goliktyu@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. A positive self-attitude and high, and stable self-esteem are the most important factors of a teenager's personal development and successful socialization. In this context, aggressive and auto-aggressive manifestations can serve as external markers of intrapsychic problems in the formation of self-awareness in adolescence. **Objects**: determination of intrapsychic correlates of aggression and auto-aggression in the inner space of a teenager's self-attitude. **Hypotheses.** 1. The main hypothesis is that aggressive and auto-aggressive behavioral manifestations are reflected in the intrapsychic space of a teenager's personality in problems of self-attitude, in particular in lack of self-confidence and acceptance by the significant others. 2. An additional hypothesis: adolescents with auto-aggressive manifestations do not accept themselves, they are prone to self-blame, and are declined to use self-harm primarily to relieve emotional tension and to restore self-control. **Methods and materials.** The study involved 44 adolescents living in Moscow (M-age = 14.6, SD = 1.7). Aggression, auto-aggression, and self-attitude were assessed using a battery of standardized questionnaires. **Results.** Problematic self-attitude is an intrapsychic risk

factor for adolescent aggressiveness/auto-aggressiveness, while insufficient self-acceptance and "lack of confidence" are combined with reduced criticality and rigidity in aggressive adolescents, and with internal inconsistency and self-blaming position in auto-aggressive adolescents. Aggressive and auto-aggressive behavior becomes "destructively effective" with social reinforcement, as it helps to reduce internal tension and allows the teenager to regain control of the situation, in particular by controlling the behavior of others. **Conclusion**. From the standpoint of cultural and historical psychology, self-attitude is an intrapsychic, "transformed" form of the social situation of adolescent development. As an integral formation of self-awareness self-attitude characterizes the position of a personality in relation to itself, and reflects the personal position of a teenager in the system of interpersonal relationships. The solution to the inter-psychic problems of adolescent aggressiveness / auto-aggressiveness lies in the formation of the intrapsychic reflexive subjective position of the developing personality.

Keywords: adolescent crisis, developmental cascades, aggression, auto-aggression, self-attitude, internalization, externalization

Funding. The study was carried out at the expense of the budget.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection adolescents — the research participants.

Supplemental data. Datasets available from https://iropse@mail.ru

For citation: Ekimova E.I., Golik T.Yu., Levchenko, A.V. (2025). Aggression and auto-aggression in the mirror of adolescents' self-attitude. *Extreme Psychology and Personal Safety, 2*(2), 170—189. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/epps.2025020210

Введение

Подростковый возраст принято считать периодом второго рождения личности (Выготский, 2022), на протяжении которого наряду с психофизиологическими трансформациями, обусловленными функциональным созреванием организма и психики, происходит кристаллизация основных личностных новообразований. Интегративные компоненты самосознания личности: Я-образ и Я-концепция, самооценка и самоотношение подростка — формируются в пространстве многочисленных социальных взаимосвязей и являются интрапсихической репрезентацией системы отношений взрослеющего человека с миром.

В процессе самопознания и самоопределения подросток сталкивается со сложными противоречивыми чувствами, обусловленными обостренной восприимчивостью к мнению и критике окружающих, при этом диапазон изменений его самовосприятия может варьироваться от полного самоуничижения до «сверхуверенности». В динамичном, изменчиво противоречивом контексте межличностных взаимодействий и переживаний у подростка формируется самоотношение — центральное системное образование самосознания, характеризующее позицию личности по отношению к самой себе.

Согласно положениям культурно-исторической психологии развития, именно социальная ситуация оказывает определяющее воздействие на характер и структуру самосознания и

самоотношения формирующейся личности (Выготский, 2022). При этом самоотношение можно определить как обобщенную одномерную структуру, отражающую относительно устойчивый уровень позитивного или негативного отношения личности к самой себе (Пантилеев, 1991), как меру осознания и эмоционально-ценностного принятия своего Я.

Неудивительно, что отрочество считается одним из наиболее уязвимых периодов личностного развития, так как в процессе активного «освоения, усвоения и присвоения» (Выготский, 2022) социальных моделей поведения, ценностных установок, формирования системы смысложизненных ориентаций у подростка значительно возрастает риск деструктивных проявлений: агрессивности, поведенческих девиаций и психоэмоциональных нарушений. В этой связи неадаптивные и деструктивные формы поведения: курение, употребление психоактивных веществ, агрессия и аутоагрессия — могут использоваться подростком для совладания с интенсивным эмоциональным напряжением, возникающим при попытках уравновесить внешнее давление со стороны социума и динамичные внутренние трансформации (Абрамова и др., 2018).

Интересное объяснение данного феномена предлагает H. Ybrandt, исходя из взаимосвязей Я-концепции личности и процессов интернализации/экстернализации проблемного поведения в подростковом возрасте. В соответствии с данной моделью позитивное самоотношение и самооценка являются наиболее важными факторами социальной адаптации и защиты от проблемного поведения, а негативная самооценка — фактором риска интернализации проблем. В свою очередь, интернализация проблемного поведения (тревога, депрессия и др.) предопределяет его экстернализацию — агрессивное и делинквентное поведение (Ybrandt, 2008). В подтверждение данной позиции было установлено, что у подростков в возрасте 15—16 лет имеет место более тесная взаимосвязь негативной самооценки и проявлений проблемного поведения, чем у представителей младшего и старшего этапов данного возраста (Torregrosa, Ingles, Garcia-Fernandez, 2011).

Динамика взаимосвязей экстернализации и интернализации проблемного поведения была в дальнейшем концептуализирована в терминах каскадных моделей развития (Murray et al., 2021). Эти модели предполагают, что связи между областями психосоциального функционирования могут возникать через проблемы в одной области, имеющие причинно-следственное влияние на другую сферу жизнедеятельности подростка. В частности, «модель двойной неудачи», предложенная Капальди (1992), утверждает, что проблемы экстернализации приводят к неудачам в академической и социальной сферах, это негативно влияет на самооценку и самоотношение подростка и, в свою очередь, становится фактором повышенного риска интернализации проблем в виде тревожности и депрессии. С другой стороны, «модель отыгрывания», предложенная Карлсоном и Кантвеллом (1980), предполагает, что дети и подростки, которые испытывают тревожность и депрессию (интернализация), могут «отыгрывать» их в сфере межличностных отношений, что приводит к конфликтам со значимыми другими, к социальной изоляции и, в свою очередь, усиливает их экстернализирующее поведение (девиантные проявления и агрессивность). В данном концептуальном подходе отношения с родителями, учителями, сверстниками наряду с академической успешностью подростка рассматриваются в качестве «каскадных модераторов» развития — посредников, которые отвечают за связи между проблемами экстернализации и интернализации (Murray et al., 2021).

Несмотря на терминологическое сходство западных моделей и положений культурно-исторической психологии, в отечественной парадигме интер- и интрапсихические феномены рассматриваются как взаимообусловленные и взаимообратимые «превращенные» формы (М.К. Мамардашвили, 1990) целостного процесса психического развития: интериоризации-экстериоризации растущим человеком социального опыта в результате его присвоения (Выготский, 2022). В то же время в необихейворальных концепциях психическая реальность исчезает из поля зрения исследователя, как «черная кошка в черном ящике», а «экстернализуются-интернализуются» исключительно «поведенческие проблемы» (Murray et al., 2021). Важно заметить, что социальной реальности межличностных отношений подростка — социальной ситуации его развития — в этом случае отводится скромная роль медиатора-посредника, а не источника и «творца» психической реальности — самосознания развивающейся личности.

Очевидно, что агрессивные поведенческие тенденции прежде всего определяются теми условиями межличностного взаимодействия со взрослыми и сверстниками, в которых подросток растет и развивается. Например, диктат со стороны родителей способствует проявлению у ребенка нерешительности в общении со сверстниками, высокой тревожности, склонности к ссорам и аутоагрессии. В то же время жестокое обращение в семье провоцирует как непосредственные, так и отдаленные негативные психологические последствия. В этом случае ближайшим результатом становятся агрессивные действия по отношению к сверстникам и другим детям, а отдаленным — проявления жестокости и склонности к насилию во взрослой жизни, когда агрессивность закрепляется как устойчивая черта личности (Амбалова, Бекоева, 2016).

Согласно теории социального научения, агрессия — это поведение, выученное в процессе социального взаимодействия ребенка с семьей и обществом. Причем были выявлены два основных фактора, влияющие на социализацию агрессии: наблюдение подобного способа действия, то есть обучение агрессивному поведению детей по образцу поведения и отношений родителей, и социальное подкрепление, которое определяется тем, насколько в данной социальной группе принимаются и одобряются проявления агрессии (Фурманов, 2013).

Агрессивные поведенческие паттерны закрепляется ввиду того, что они «деструктивно эффективны», так как позволяют подростку защищать свои личные границы, сохранять или усиливать контроль над значимым социальным окружением, а также способствуют компенсаторному формированию чувства собственной значимости и ценности. Если открытое проявление агрессии является социально неприемлемым, личность с агрессивными тенденциями может направлять их на себя, трансформируя в различные формы аутоагрессии: самобичевание, самоунижение, самоповреждение, вплоть до попыток суицида. Ряд авторов понимает под аутоагрессивными проявлениями вторичную психологическую защиту, в результате которой негативные эмоции перенаправляются с внешнего объекта на себя (Наквасина и др., 2019). Проявления подростковой агрессии и аутоагрессии могут усугубляться динамикой течения возрастного кризиса, неустойчивостью самооценки, а также выступать в качестве дезадаптивного способа реагирования на ситуации фрустрации потребностей, позволяя справиться с напряжением и негативными эмоциями.

В этой связи представляет интерес концепция «двойного вреда» (dual-harm), то есть одновременного причинения вреда самому себе и проявления агрессии по отношению к

другим (Shafti et al., 2022). Такое поведение привлекает особое внимание специалистов, так как распространено в сфере уголовного правосудия и судебной экспертизы (Steinhoff et al., 2023). Имеются данные о том, что по сравнению с лицами, причинившими односторонний вред, причинившие двойной вред с большей вероятностью пережили в период взросления жестокое обращение, насилие в семье, лишение заботы и игнорирование потребностей. Для них характерны психотические симптомы, зависимость от психоактивных веществ, а также эмоциональные и личностные расстройства (Shafti et al., 2022; Steinhoff et al., 2023).

Очевидно, что агрессивные и аутоагрессивные тенденции в подростковом возрасте обусловлены совокупностью генетических, биологических, психологических и социальных факторов. В то же время агрессивные проявления в нормативном диапазоне свидетельствуют о происходящих сепарационных процессах и являются маркерами переходного возраста, так как позволяют подростку добиться автономии и научиться справляться со своими эмоциональными состояниями. Самоповреждения же могут сформироваться в ответ на неадекватно жесткие воспитательные воздействия, такие как необоснованная критика, обвинения, оскорбления, завышенные требования со стороны взрослых, а также использование игнорирования, лишения общения и заботы в качестве наказания. Чтобы как-то справиться с воздействием конфликтных и стрессовых ситуаций, подростки нередко прибегают к неадаптивным средствам совладания, выражающимся в агрессивных (Дж. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц Д. Ричардсон, С.Н. Ениколопов) и аутоагрессивных (А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко, Н.А. Польская) действиях.

В частности, в фрустрационной модели агрессия рассматривается как ситуационный процесс и как реакция на фрустрацию потребностей. Согласно теории Дж. Долларда и Нила Миллера, фрустрация всегда приводит к агрессии, но важными условиями агрессивных реакций являются личностные характеристики человека, такие как уровень агрессивности, сходство агрессора и его жертвы, а также оправданность агрессии. Согласно данной концептуальной модели, агрессивное действие детерминировано предшествующей фрустрацией, когда определенные внешние условия воспринимаются индивидом как препятствия для получения ожидаемого результата (Берковиц, 2006).

Комплексный анализ личностных и средовых причинных факторов подростковой агрессивности, проведенный на выборке латиноамериканских подростков (Robles-Haydar, et al., 2021), имел своей целью обобщенную оценку характера взаимодействия поведенческих, средовых и личностных детерминант агрессии. Некоторые из переменных, в частности личностные характеристики и родительские позиции, продемонстрировали ингибирующее, а другие — прямое влияние на агрессивность подростков. В результате использования методов многомерного статистического анализа было выделено две комбинации переменных, стимулирующих агрессивное поведение подростков. Во-первых, прямое воздействие оказывало сочетание личностных характеристик: «открытости» (смелость, непосредственность) с «моральным отчуждением» (оправдание деструктивных действий) и «ценностью лидерства» (здесь — стремление к доминированию и контролю). Во-вторых, косвенно провоцирующее влияние на агрессивность подростов оказывали такие родительские позиции, наблюдающиеся у матери, как «вседозволенность», «доверие» и «отвержение». В меньшей степени вовлеченной в процесс была воспитательная позиция отца. Наиболее важными предикторами агрессивности оказались личностные качества подростков и характеристики их взаимоотношений с родителями, причем независимо от

социально-экономического уровня, на котором это взаимодействие происходит (Robles-Haydar et al., 2021).

Казалось бы, в данной работе зарубежных коллег были преодолены недостатки узко поведенческого подхода, так как предметом исследования на этот раз являлись как межличностные (средовые), так и личностные факторы, провоцирующие агрессивность. Однако при внимательном рассмотрении методологии исследования и полученных результатов становится очевидной редукция психологического содержания ключевых параметров: личности — до отдельных личностных черт, а межличностных отношений — до ограниченного набора воспитательных позиций родителей. Неудивительно, что такой исходный набор переменных позволил авторам получить на выходе математико-статистическую модель невысокой прогностической ценности (коэффициент множественной корреляции = 0,43), а ее содержательное наполнение оказалось малоинформативным.

Близкое по замыслу исследование проводилось на значительной по объему (более 2000 респондентов) скандинавской выборке подростков (Henriksen et al., 2021). Главной целью в нем было определить, могут ли факторы риска в раннем подростковом возрасте помочь объяснить, почему неагрессивные подростки начинают позднее проявлять агрессию и почему некоторые подростки продолжают вести себя агрессивно, в то время как другие прекращают это делать. Исследование показало, что мальчики с дефицитом внимания, замеченные в употреблении психоактивных веществ в раннем подростковом возрасте, имеют повышенный риск проявления агрессивности в дальнейшем. Вполне понятно, что в период взросления, когда влияние сверстников возрастает, а родителей — ослабевает, употребление алкоголя и курение у младших подростков чаще всего связаны с общением в девиантной социальной среде, что создает благоприятные условия для усвоения паттернов асоциального, в частности агрессивного, поведения (Henriksen et al., 2021). Несмотря на значительный объем выборки и лонгитюдный дизайн исследования, его результаты в силу уже отмеченной выше феноменологической редукции не дают целостной картины динамических изменений агрессивности на разных этапах подросткового периода, а высвечивают только отдельные аспекты проблемы.

Наиболее близким по замыслу к нашей работе оказалось исследование испанских коллег, целью которого был анализ взаимосвязи агрессивного поведения и Я-концепции у подростков, проведенный на выборке из 2022 учащихся в возрасте от 12 до 16 лет, получающих обязательное среднее образование (Torregrosa, Ingles, Garcia-Fernandez, 2011). Логистический регрессионный анализ данных проводился на нескольких подвыборках, но несмотря на то, что модели варьировались в зависимости от пола и класса, в большинстве случаев подростки с высоким уровнем агрессивного поведения демонстрировали более высокую вероятность негативного восприятия своих отношений со сверстниками того же пола, проявляли меньший интерес к школьной жизни и демонстрировали более высокий уровень эмоциональной нестабильности по сравнению с их неагрессивными сверстниками. Агрессивные подростки считали, что их родители негативно настроены по отношению к ним, при этом сами не были заинтересованы в межличностных контактах, не были открыты и искренни и имели более низкую самооценку в отношении своих качеств, чем их неагрессивные сверстники. Интересно, что неожиданные результаты были получены в отношении восприятия взаимодействия со сверстниками противоположного пола и оценок своего физического облика: по этим параметрам агрессивные подростки превосходили

сверстников, считая себя более физически привлекательными и успешными в сфере общения с противоположным полом (Torregrosa, Ingles, Garcia-Fernandez, 2011).

Многие исследователи отмечают, что негативное самоотношение и чувство неполноценности могут мотивировать агрессивное поведение у подростков. Так, высказывалось предположение, что враждебность и гнев по отношению к другим обусловлены замаскированным чувством неполноценности (Водяха, Водяха, Мирзамамедова, 2018). Однако существует и другая позиция, именуемая «моделью угрозы эгоизму» или «гипотезой оспаривания самооценки». Данная концепция исходит из предположения, что люди с неоправданно высоким уровнем самооценки имеют тенденцию быть агрессивными или жестокими и что высокая, а не низкая самооценка провоцирует агрессию. М. Кернис с коллегами аргументируют данное положение тем, что личность чаще склонна воспринимать угрозы самооценке как необоснованные, если имеет место положительное самоотношение (Водяха, Водяха, Мирзамамедова, 2018).

Несмотря на многообразие публикаций и устойчивый интерес к проблеме подростковой агрессивности, концептуальные ограничения (Murray et al., 2021) и редуцированный дизайн большинства исследований (Henriksen et al., 2021, Robles-Haydar et al., 2021, Torregrosa, Ingles, Garcia-Fernandez, 2011) не позволяют получить целостную картину данного феномена. В нашем исследовании, выполненном в парадигме культурно-исторического подхода, самоотношение подростка понимается как интрапсихическая репрезентация — «превращенная форма» социальной ситуации его развития; в свою очередь, агрессивное и аутоагрессивное поведение — это экстериоризация усвоенных в процессе присвоения социального опыта поведенческих моделей, ценностных установок и жизненных позиций. Таким образом, агрессия и аутоагрессия в межличностном взаимодействии подростка отражены во внутреннем пространстве формирующейся личности, в ее самоотношении.

Цель нашего исследования: *определение интрапсихических коррелятов агрессии и аутоагрессии во внутреннем пространстве самоотношения подростка.* ***Основная гипотеза*****:** *агрессивные и аутоагрессивные поведенческие проявления находят отражение в интрапсихическом пространстве личности подростка, в проблемах самоотношения, в частности в недостаточной уверенности в себе и в своем принятии значимыми другими.*

Дополнительная гипотеза**:** *подростки с аутоагрессивными проявлениями не принимают себя, склонны к самообвинениям и используют самоповреждения преимущественно для снятия напряжения и восстановления контроля.*

Материалы и методы

Всего в исследовании приняло участие 44 подростка, проживающих на территории города Москвы (N = 44, из них женского пола 23 (52%), мужского пола — 21 (48%), в возрасте от 13 до 17 лет (средний возраст — 14,6 года), все без явных признаков психологической травматизации, когнитивных и психических нарушений).

При исследовании применялись следующие методики:

- опросник «Ауто- и гетероагрессия» Е.П. Ильина, предназначенный для определения направленности агрессии на себя или на других (Ильин, 2004);
- опросник Л.Г. Почебут «Тест агрессивности», четыре шкалы которой определяют гетероагрессивные проявления и одна — аутоагрессивные (Почебут, 2012);

- методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (Романова, 2008);
- шкала причин самоповреждающего поведения, направленная на выявление способов и стратегий самоповреждения (Польская, 2014).

Исследование проводилось весной 2024 года в индивидуальном режиме, участие в нем было добровольным и анонимным. После получения подробных инструкций каждый респондент заполнял комплект методик.

Статистический анализ данных выполнялся с помощью программ пакета SPSS Statistica for Windows, использовались описательные статистики, методы непараметрической статистики, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена).

Результаты

Исходя из гипотез исследования, на основании результатов опросника ауто- и гетероагрессии выборка была разбита на три группы, различающиеся по уровню и направленности агрессии. В группу «Неагрессивные» вошли подростки, у которых значения показателей по обеим шкалам теста не превышали нормативных (9 чел., 20,5%); в группу «Агрессивные» были включены те, у кого показатели по шкале гетероагрессии были повышены и доминировали (19 чел., 43,2%), а в группу «Аутоагрессивные» — подростки с наиболее высоким уровнем аутоагрессии (16 чел., 36,3%). В дальнейшем оценка статистической достоверности различий проводилась при сравнении показателей «агрессивных» и «аутоагрессивных» подростков с результатами нормативной — «неагрессивной» группы.

Сравнение форм проявления агрессии в трех группах выявило, что у агрессивных подростков превалируют вербальная и физическая агрессивность, показатели которых выше нормативного уровня. У аутоагрессивных подростков нормативы оказались превышены по шкалам «Самоагрессия» и «Эмоциональная агрессия», при этом межгрупповые различия по данным показателям были статистически достоверны (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Значимые различия по формам проявления агрессии (критерий Манна-Уитни) (N = 44)
Significant differences in the forms of aggression (Mann-Whitney test) (N = 44)

Формы агрессии **Forms of aggression**	**Неагрессивные/ Non-aggressive**	**Агрессивные/ Aggressive**	P	**Неагрессивные/ Non-aggressive**	**Аутоагрессивные**/Autoaggressive	P
Вербальная агрессия / Verbal aggression	2,2 ± 0,92	4,8 ± 2,28	**0,02***			
Физическая агрессия / Physical aggression	2,4 ± 1,90	4,8 ± 1,48	**0,04***			
Эмоциональная агрессия / Emotional aggression				2,8 ± 1,7	4,2 ± 1,99	0,10
Самоагрессия/Autoaggression				2,9 ± 1,6	6,2 ± 2,05	**0,003****

Общий уровень агрессии / The general level of aggression	13,2 ± 5,8	18,4 ± 5,1	0,10	13,2 ± 5,8	21,4 ± 7,7	**0,02***

Примечание: «*» — различия значимы на уровне 0,05; «**» — различия значимы на уровне 0,01.
Note: «*» — differences are significant at 0.05; «**» — differences are significant at 0.01.

Итак, в контексте межличностного взаимодействия для агрессивных подростков характерно вербальное выражение агрессии, сквернословие и словесные оскорбления, они также проявляют готовность к применению физической силы по отношению к другим людям. В свою очередь, подростки с аутоагрессивными проявлениями имеют самый высокий уровень общей агрессивности, которую направляют на себя, они также склонны к эмоциональному отчуждению и подозрительности.

Сравнение параметров самоотношения по методике С.Р. Пантилеева в трех группах подростков обнаружило значимые различия между агрессивными и неагрессивными подростками по шкалам «Самоуверенность», «Отраженное самоотношение», «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение». Различия показателей между группами неагрессивных и аутоагрессивных подростков оказались значимыми по шести шкалам опросника (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Значимые различия между группами подростков по показателям самоотношения (критерий Манна-Уитни) (N = 44)
Significant differences between groups of adolescents in self-attitude (Mann-Whitney test) (N = 44)

Самоотношение/Self-attitude	**Неагрессивные/ Non-aggressive**	**Агрессивные/ Aggressive**	P	**Неагрессивные/ Non-aggressive**	**Аутоагрессивные/** Autoaggressive	P
Самоуверенность/Self-confidence	8,0 ± 1,25	6,2 ± 2,28	0,099	8,0 ± 1,25	6,2 ± 1,64	0,01**
Отраженное самоотношение / Reflected self-attitude	7,3 ± 1,63	5,2 ± 2,86	0,10	7,3 ± 1,63	4,9 ± 1,27	0,003**
Саморуководство/Self-guidance				6,7 ± 1,05	5,3 ± 1,58	0,05*
Самоценность/Self-value				8,1 ± 1,91	5,9 ± 1,61	0,017*
Внутренняя конфликтность / Internal conflict	4,8 ± 1,46	2,8 ± 0,78	0,028*	4,8 ± 1,5	6,6 ± 1,86	0,05*
Самообвинение/Self-accusation	4,3 ± 2,65	2,4 ± 1,86	0,10	4,3 ± 2,7	7,0 ± 2,06	0,10

Примечание: «*» — различия значимы на уровне 0,05; «**» — различия значимы на уровне 0,01.
Note: «*» — differences are significant at 0.05; «**» — differences are significant at 0.01.

Итак, самоотношение агрессивных подростков можно определить как проблемно-противоречивое: они не склонны к сомнениям и к самокритике, что позволяет сохранять уверенность и самоконтроль в привычных ситуациях, однако на фоне недостаточной уверенности в себе при неожиданно возникших трудностях у них нарастает тревога, внутреннее напряжение и проявляется готовность к подчинению внешним воздействиям. Сниженным у агрессивных подростков является показатель отраженного самоотношения: они не уверены в позитивном отношении к себе со стороны других, что может провоцировать бурную реакцию на замечания, обусловленную ощущением собственной несостоятельности и восприятием окружающего мира как угрожающего для их самооценки. Как результат, агрессивным подросткам свойственно отрицание своих проблем, обвинение и порицание других, а также перенесение ответственности за свои неудачи на окружающих.

Аутоагрессивные подростки, напротив, внутренне конфликты и склонны к самообвинениям, они признают собственные проблемы, а в неожиданно трудных ситуациях теряют работоспособность, уверенность в себе и способность к контролю. С точки зрения аутоагрессивных подростков положительное отношение окружающих возможно только при наличии определенных качеств, а иные личностные проявления могут вызывать лишь раздражение и неприятие, то есть они не уверены в позитивном отношении к себе со стороны других, сами считают свои качества малоценными, и потому особенно чувствительны к критике. Аутоагрессивный подросток находится в состоянии постоянного контроля собственного «Я» и саморефлексии, которая переходит в самокопание, самообвинение, что в сочетании с высокими требованиями к себе приводит к хроническому напряжению, внутреннему конфликту и осуждению себя, как источника собственных неудач.

Проверка статистических гипотез позволяет сделать вывод о подтверждении основной гипотезы исследования: *агрессивные и аутоагрессивные поведенческие проявления находят отражение в интрапсихическом пространстве личности подростка, в проблемах самоотношения, в частности в недостаточной уверенности в себе и в своем принятии значимыми другими.*

Кроме того, оказалось, что риск-фактором, провоцирующим подростковую агрессивность/аутоагрессивность, является «дефицит уверенности», сочетающийся у агрессивных подростков со сниженной критичностью и ригидностью внутренней позиции, а у аутоагресивных — напротив, с внутренней противоречивостью и самообвинением. Заметим, что позиционирование самоотношения подростков двух групп не столь различно, как может показаться, так как имеют общую основу — несформированность рефлексивно-субъектной позиции, позволяющей объективно оценивать ситуацию и свои возможности, что в обоих случаях приводит к нарастанию агрессивности и к аффективным срывам.

Корреляционный анализ показателей агрессии и аутоагрессии с параметрами самоотношения подростков (табл. 3) обнаружил многочисленные значимые положительные и отрицательные взаимосвязи, что указывало на взаимовлияние и взаимообусловленность исследуемых интер- и интрапсихических феноменов.

Таблица 3 / Table 3

Результаты корреляционного анализа показателей самоотношения подростка с проявлениями агрессии и аутоагрессии (по Спирмену) (N = 44)
The results of the correlation analysis of adolescent' self-attitude with aggression and autoaggression (according to Spearman) (N = 44)

Формы агрессии / Forms of aggression	Самоотношение/Self-attitude				
	Открытость/Openness	Самоуверенность/ Self-confidence	Самопринятие/Self-acceptance	Внутренняя конфликтность / Internal conflict	Самообвинение/Self-accusation
Аутоагрессия/Autoaggression	-0,42**	-0,35*	-0,44**	0,49**	0,74***
Гетероагрессия/Heteroaggression		-0,51**		-0,37*	
Вербальная агрессия / Verbal aggression	-0,48**	-0,44**			
Физическая агрессия / Physical aggression		-0,37*			
Предметная агрессия / Objective aggression		-0,42**		0,41**	0,37*
Эмоциональная агрессия / Emotional aggression	-0,63***	-0,36*		0,45**	0,56***
Самоагрессия/Self- aggression				0,45**	0,32*
Общий уровень агрессии / The general level of aggression	-0,52**	-0,52**		0,47**	

Примечание: «*» — p < 0,05; «**» — p < 0,01; «***» — p < 0,001.
Note: «*» — p < 0,05; «**» — p < 0,01; «***» — p < 0,001.

Можно заметить, что уверенность подростка в себе (шкала «Самоуверенность») оказалась наиболее мощным личностным фактором противодействия как общей агрессивности (r =-0,52), так и гетеро– (r = -0,51), и аутоагрессивным (r = -0,35) тенденциям. Открытость подростка тоже препятствовала проявлениям агрессивности (r = -0,52), прежде всего эмоциональной (r = -0,63) и вербальной (r = -0,48), а также аутоагрессии (r = -0,42). И напротив, внутренняя конфликтность заметно усиливала как общую агрессивность (r = 0,47), в частности предметную (r = 0,41) и эмоциональную (r = 0,45), так и аутоагрессивность (r = 0,49). В свою очередь, самообвиняющая позиция подростка жестко детерминировала, фактически предопределяла его аутоагрессивное поведение (r = 0,76), а также провоцировала повышение эмоциональной (r = 0,56), и предметной (r = 0,37) агрессивности.

Можно предположить, что самоотношение подростка является внутренним фактором регуляции агрессивных и аутоагрессивных поведенческих проявлений: уверенность в себе и открытость межличностным контактам способствуют снижению деструктивных тенденций, в то время как внутренняя конфликтность и самообвиняющая позиция провоцируют у подростков агрессию и аутоагрессию.

Результаты корреляционного анализа взаимосвязей самоповреждающего поведения и самоотношения подростков представлены в табл. 4.

Таблица 4 / Table 4

Результаты корреляционного анализа показателей самоотношения подростка с причинами и стратегиями самоповреждающего поведения (по Спирмену) (N = 44)
The results of a correlation analysis of a teenager's self-attitude with the causes of self-harming behavior (according to Spearman) (N = 44)

Параметры / Parameters		R
Открытость/Openness	Инструментальные самоповреждения	- 0,59***
	Соматические самоповреждения	- 0,49**
	Избавление от напряжения	- 0,60***
	Воздействие на других	- 0,68***
	Изменение себя, поиск нового опыта	- 0,50**
Самопривязанность/Self-attachment	Инструментальные самоповреждения	- 0,41**
Самопринятие/Self-acceptance	Соматические самоповреждения	- 0,41**
	Избавление от напряжения	- 0,50**
	Воздействие на других	- 0,47**
	Изменение себя, поиск нового опыта	- 0,62***
Самообвинение/Self-accusation	Инструментальные самоповреждения	0,63***
	Соматические самоповреждения	0,67***
	Восстановление контроля над эмоциями	0,45**
	Избавление от напряжения	0,58***
	Воздействие на других	0,50**
	Изменение себя, поиск нового опыта	0,48**
Внутренняя конфликтность / Internal conflict	Восстановление контроля над эмоциями	0,49**
	Избавление от напряжения	0,49**
	Воздействие на других	0,44**

Примечание: «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.
Note: «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Очевидно, что позитивное самоотношение: самопринятие, самопривязанность и открытость — активно купируют у подростков аутоагрессивные проявления, как на уровне целей — избавление от напряжения (г = -0,60), воздействие на других (г = -0,68), поиск нового опыта (г = -0,63), так и в отношении стратегий самоповреждения — соматическое самоповреждение (г = -0,49) и инструментальное самоповреждение (г = -0,50). В то же время внутренняя конфликтность и особенно позиция самообвинения значительно усиливают аутоагрессивное поведение во всех его проявлениях: соматическое самоповреждение (г =

0,67), инструментальное самоповреждение (г = 0,63), избавление от напряжения (г = 0,58), восстановление контроля над эмоциями (г = 0,45) и др.

Итак, результаты корреляционного анализа позволяют говорить о подтверждении дополнительной гипотезы исследования: *подростки с аутоагрессивными проявлениями не принимают себя, склонны к самообвинениям и используют самоповреждения преимущественно для снятия напряжения и восстановления контроля.*

Кроме того, оказалось, что защитой от аутоагрессивных проявлений у подростка служит не только самопринятие, но и открытость в межличностных отношениях, а риск-факторами являются как самообвинение, так и внутренняя конфликтность. Учитывая «жесткую» взаимообусловленность самообвиняющей позиции подростка и форм самоповреждения (г = 0,63—0,67), можно говорить об их «карательной» функции — самонаказания. Таким образом, при самообвиняющей позиции подростка самоповреждающее поведение «успешно справляется» с выполнением целого ряда актуальных задач: самонаказания, саморегуляции, осуществления внутреннего и внешнего контроля и даже — «саморазвития», в качестве стратегии самоизменения и поиска нового опыта. Не удивительно, что эта деструктивная форма поведения исключительно резистентна к коррекционным воздействиям, так как требует для своего купирования освоения подростком целого ряда конструктивных стратегий совладания с проблемами, что невозможно при нахождении в аффективно заряженной, аутоагрессивной позиции самоотвержения и самообвинения.

Таким образом, результаты проведенного исследования еще раз подтверждают предположение об интрапсихическом отражении агрессивных и аутоагрессивных поведенческих проявлений в структуре проблемного самоотношения подростка, а также о взаимообратимости и взаимодетерминации процессов интериоризации/ экстериоризации социального опыта. Самоотношение как ключевое интегративное образование самосознания личности является «интрапсихическим ключом» к интерпсихическим проблемам социализации и личностного развития подростка.

Обсуждение результатов

Обзор психологических публикаций по проблеме взаимосвязи самоотношения подростка с проявлениями агрессии и аутоагрессии обнаружил немногочисленность подобных исследований. Большинство близких по тематике работ посвящены влиянию детско-родительских отношений, воспитательных стратегий взрослых или отношений со сверстниками на проявления агрессии, аутоагрессии и самоповреждающее поведение у подростков.

Полученные нами результаты в значительной степени согласуются с выводами аналогичных исследований, в частности о том, что позитивное самоотношение является наиболее важным личностным фактором защиты подростка от проблемного поведения, а негативное — фактором риска интернализации проблем, которые, в свою очередь, предопределяют агрессивные и делинквентные проявления (Ybrandt, 2008).

Нами было отмечено, что подростки с высоким уровнем агрессивного поведения склонны считать, что окружающие негативно настроены по отношению к ним, при этом сами менее открыты в общении и имеют более низкую самооценку в отношении своих качеств, чем их неагрессивные сверстники, на что также указывалось в публикациях зарубежных коллег (Torregrosa, Ingles, Garcia-Fernandez, 2011).

Совпадают наши позиции и с мнением, что негативное самоотношение может мотивировать агрессивное поведение у подростков, а враждебность и гнев по отношению к другим обусловлены замаскированным чувством неполноценности (Водяха, Водяха, Мирзамамедова, 2018). В таком случае аутоагрессивные проявления можно считать вторичной психологической защитой, в результате которой негативные эмоции перенаправляются с внешнего объекта на себя (Наквасина и др., 2019).

В то же время в своем исследовании мы опирались на положения культурно-исторической концепции психического развития о взаимообратимости и взаимообусловленности процессов интериоризации/экстериоризации усвоения социального опыта, что позволяет выйти из редуцированной позиции оценки множественных взаимосвязей отдельных факторов и увидеть в *самоотношении интрапсихическую, «превращенную» форму социальной ситуации развития подростка*. В таком случае *самоотношение* как интегральное образование самосознания, характеризующее позицию личности по отношению к самой себе (Пантилеев, 1991), является *отражением личностной позиции подростка в системе его межличностных отношений*.

При данном концептуальном подходе проблемное самоотношение подростка становится интрапсихическим риск-фактором, провоцирующим агрессивное/аутоагрессивное поведение. При этом недостаточное самопринятие и «дефицит уверенности» сочетаются у агрессивных подростков со сниженной критичностью и позиционной ригидностью, а у аутоагресивных — с внутренней противоречивостью и самообвиняющей позицией. Очевидно, что агрессивные и аутоагрессивные проявления становятся в случае их внешнего, социального подкрепления (Фурманов, 2019) «деструктивно эффективными», так как, с одной стороны, они способствуют эмоциональной разрядке и снижению внутреннего напряжения, а с другой — позволяют восстановить контроль над ситуацией, в том числе посредством контроля поведения окружающих. Самоповреждающее поведение особенно «эффективно» при достижении целого ряда актуальных для подростка целей: самонаказания, саморегуляции, осуществления внутреннего и внешнего контроля и даже «саморазвития» — за счет приобретения нового опыта и самоизменения. Не удивительно, что агрессивно деструктивные формы поведения исключительно резистентны к коррекционным воздействиям, это усугубляется еще и тем, что подросток находится в аффективно заряженной позиции самоотвержения и самообвинения.

Необходимо также подчеркнуть, что агрессивность и аутоагрессивность обусловлена несформированностью у подростков рефлексивно-субъектной позиции, позволяющей объективно оценивать как ситуацию, так и свои возможности, что приводит к аффективному реагированию на возникающие трудности. Такое понимание проблемы позволяет подойти к ее решению через развитие у подростка рефлексии и саморефлексии как условия формирования субъектной позиции развивающейся личности.

Заключение

Проблемы психологического неблагополучия молодого поколения неизменно остаются актуальными, так как имеют не только практическое значение, но и затрагивают различные области психологической науки. Несмотря на многочисленные исследования подростковой агрессивности/аутоагрессивности и попытки их концептуализации, психологические

механизмы возникновения деструктивных поведенческих тенденций в подростковом возрасте продолжают оставаться в значительной степени нераскрытыми.

Культурно-историческая теория психического развития обеспечивает надежную методологическую основу исследований психологических проблем социализации и личностного развития в подростковом возрасте. Самоотношение как интрапсихическая, «превращенная» форма социальной ситуации развития подростка является внутренним фактором регуляции агрессивных и аутоагрессивных поведенческих проявлений: уверенность в себе и открытость межличностным контактам способствуют снижению деструктивных тенденций, в то время как недостаточная критичность, внутренняя конфликтность и самообвиняющая позиция провоцируют у подростков агрессию и аутоагрессию. Как интегральное образование самосознания, характеризующее позицию личности по отношению к самой себе, самоотношение отражает личностную позицию подростка в системе его межличностных отношений. Таким образом, решение интерпсихических проблем подростковой агрессивности/аутоагрессивности лежит в плоскости формирования интрапсихической рефлексивно-субъектной позиции развивающейся личности.

Проведение дальнейших исследований в данном направлении требует значительного расширения выборки и ее возрастной и гендерной дифференциации. Предполагается также дополнение диагностического инструментария для оценки различных характеристик самосознающего Я подростка: самооценки, идентичности, ценностно-смысловых образований. Необходимо также рассмотрение социально-психологических факторов личностного развития подростка, как в контексте непосредственно межличностных отношений, так и в плане принадлежности к той или иной социальной группе.

Ограничения. Некоторые ограничения исследования были связаны с объемом выборки и с невозможностью осуществления случайного отбора подростков в выборку из-за трудностей получения доступа к возможным респондентам, а также с использованием опросных методов, которые могли повлиять на полученные данные из-за социальной желательности ответов участников.

Limitations. Some of the study's limitations were non-probabilistic sampling owing to difficulties in entering the schools and subsequent access to the population and the use of questionnaires or self-report measures that could affect the data owing to the social desirability of the participants.

Список источников / References

1. Абрамова, А.А., Ениколопов, С.Н., Ефремов, А.Г., Кузнецова, С.О. (2018). Аутоагрессивное несуицидальное поведение как способ совладания с негативными эмоциями. *Клиническая и специальная психология, 7*(2), 21—40. https://doi.org/10.17759/cpse.2018070202

   Abramova, A.A., Enikolopov, S.N., Efremov, A.G., Kuznetsova, S.O. (2018). Auto-aggressive non-suicidal behavior as a way of coping with negative emotions. *Clinical and Special Psychology, 7*(2), 21—40. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/cpse.2018070202

2. Амбалова, С.А., Бекоева, М.И. (2016). К вопросу о психологических особенностях учебной деятельности и агрессивном поведении младших школьников. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, *5*(2), 183—185. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-psihologicheskih-osobennostyah-uchebnoy-deyatelnosti-i-agressivnom-povedenii-mladshih-shkolnikov (дата обращения: 17.03.2025)

   Ambalova , S.A., Bekova, M.I. (2016). On the issue of the psychological features of educational activities and aggressive behavior of younger schoolchildren. *The Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, *5*(2), 183—185. (In Russ.). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-psihologicheskih-osobennostyah-uchebnoy-deyatelnosti-i-agressivnom-povedenii-mladshih-shkolnikov (viewed: 17.03.2025)
3. Берковиц, Л. (2007). *Агрессия: причины, последствия и контроль* / пер. с англ. СПб.: Прайм-Еврознак, 512 с. URL: https://litmir.club/bd/?b=830035 (дата обращения: 17.03.2025)

   Bercovitz, L. *Aggression : its courses, consequences, and control.* Internet Archive. (In Engl.). URL: https://archive.org/details/aggressionitscau0000berk (viewed: 17.03.2025)
4. Водяха, С.А., Водяха, Ю.Е., Мирзамамедова, Г.Ф. (2018). Особенности самоотношения высокоагрессивных студентов. *Педагогическое образование в России*, 11, 152—156. URL: https://pedobrazovanie.ru/images/JOURNAL/archive2018/2018-11/21.pdf (дата обращения: 17.03.2025)

   Vodyakha, S.A., Vodyakha, Yu.E., Mirzamamedova, G.F. (2018). Features of self-attitude of highly aggressive students. *Pedagogical Education in Russia*, 11, 152—156. (In Russ.). https://pedobrazovanie.ru/images/JOURNAL/archive2018/2018-11/21.pdf (viewed: 17.03.2025)
5. Выготский, Л. (2022). *Педология подростка. Психологическое и социальное развитие ребенка*. СПб.: Питер.

   Vygotsky, L. (2022). *Adolescent's Pedology. Psychological and social child's development.* St Petersburg: Piter. (In Russ.).
6. Ильин, Е.П. (2004). *Психология индивидуальных различий*. СПб.: Питер. 1278 с.

   Ilyin, E.P. (2004). The psychology of individual differences. St Petersburg: Piter. 1278 p. (In Russ.).
7. Мамардашвили, М.К. (1990). Сознание как философская проблема. *Вопросы философии,* 10, 3—18. URL: https://studfile.net/preview/10430754/page:4/ (дата обращения: 17.03.2025)

   Mamardashvily, M.K. (1990). Consciousness as a philosophical problem. *Questions of Philosophy,* 10, 3—18. (In Russ.). URL: https://studfile.net/preview/10430754/page:4/ (viewed: 17.03.2025)
8. Наквасина, С.Н., Палаева, Р.И., Антохин, Е.Ю., Шлафер, А.М. (2019). Взаимосвязь агрессии, аутоагрессии и стратегий совладания со стрессом в юношеском возрасте.

Neurodynamics. Журнал клинической психологии и психиатрии, 2, 65—74. URL: https://smu.psychiatr.ru/wp-content/uploads/2019/07/%E2%84%962.pdf (дата обращения: 17.03.2025)

Nakvasina, S.N., Lalaeva, R.I., Antokhin, E.Yu., Shlafer, A.M. (2019). The relationship between aggression, autoaggression, and stress management strategies in adolescence. *Neurodynamics. Journal of Clinical Psychology and Psychiatry*, 2, 65—74. (In Russ.). URL: https://smu.psychiatr.ru/wp-content/uploads/2019/07/%E2%84%962.pdf (viewed: 17.03.2025)

9. Пантилеев, С.Р. (1991). *Самоотношение как эмоционально-оценочная система.* М.: МГУ. 110 с.

   Pantileev, S.R. (1991). *Self-attitude as an emotional-evaluative system.* Moscow: MSU. 110 p. (In Russ.).

10. Польская, Н.А., Разваляева, А.Ю. (2022). *Основы диагностики и профилактики самоповреждающего поведения.* М.: ФГБОУ ВО МГППУ. 219 с.

    Polskaya, N.A., Razvalyaeva, A.Yu. (2022). *Fundamentals of diagnosis and prevention of self-harming behavior*. Moscow: MSUPE. 219 p. (In Russ.).

11. Почебут, Л.Г. (2012). *Кросс-культурная и этническая психология*. СПб.: Питер. 279 с.

    Pochebut, L.G. (2012). Cross-cultural and ethnic psychology. St Petersburg: Piter. 279 p. (In Russ.).

12. Романова Е.С. (2008). *Психодиагностика.* СПб.: Питер. 517 с.

    Romanova, E.S. (2008). *Psychodiagnostics*. St Petersburg: Piter. 517 p. (In Russ.).

13. Фурманов, И.А. (2013). *Психология детей с нарушениями поведения*. М: ВЛАДОС-Пресс. 350 с.

    Furmanov, I.A. (2013). *Psychology of children with behavioral disorders.* Moscow: Vlados-Press. 350 p. (In Russ.).

14. Henriksen, M., Skrove, M., Hoftun, G.B., Sund, E.R., Lydersen, S., Tseng, W.L., Sukhodolsky, D.G. (2021). Developmental course and risk factors of physical aggression in late adolescence. *Child Psychiatry & Human Development*, 52, 628—639. https://doi.org/10.1007/s10578-020-01049-7

15. Murray, A.L., Obsuth, I., Speyer, L., Murray, G., McKenzie, K., Eisner, M., Ribeaud, D. (2021). Developmental cascades from aggression to internalizing problems via peer and teacher relationships from early to middle adolescence. *Journal of youth and adolescence*, *50*(4), 663—673. https://doi.org/10.1007/s10964-021-01396-1

16. Robles-Haydar, C.A., Martínez-González, M.B., Flórez-Niño, Y.A., Ibáñez-Navarro, L.M., Amar-Amar, J.J. (2021). Personal and environmental predictors of aggression in adolescence. *Brain sciences*, *11*(7), 933. https://doi.org/10.3390/brainsci11070933

17. Shafti, M., Steeg, S., De Beurs, D., Pratt, D., Forrester, A., Webb, R.T., Taylor, P.J. (2022). The inter-connections between self-harm and aggressive behaviours: A general network analysis study of dual harm. *Frontiers in psychiatry*, 13, 953764. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2022.953764
18. Steinhoff, A., Bechtiger, L., Ribeaud, D., Eisner, M., Shanahan, L. (2023). Self-, other-, and dual-harm during adolescence: a prospective-longitudinal study of childhood risk factors and early adult correlates. *Psychological medicine*, *53*(9), 3995—4003. https://doi.org/10.1017/S0033291722000666
19. Torregrosa, M.S., Ingles, C.J., Garcia-Fernandez, J.M. (2011). Aggressive Behavior as a Predictor of Self-Concept: A Study with a Sample of Spanish Compulsory Secondary Education Students**.** *Psychosocial Intervention*, *20*(2), 201—212. https://doi.org/10.5093/in2011v20n2a8
20. Ybrandt, H. (2008). The relation between self-concept and social functioning in adolescence. *Journal of adolescence*, *31*(1), 1—16. https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2007.03.004

Информация об авторах

Валентина Ивановна Екимова, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой научных основ экстремальной психологии, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1480-3571, e-mail: ekimovavi@mgppu.ru

Татьяна Юрьевна Голик, магистр, специалист по учебно-методической работе, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0003-8579-3328, e-mail: goliktyu@mgppu.ru

Анастасия Валерьевна Левченко, магистр, преподаватель кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-1425-2095, e-mail: levchenkoav@mgppu.ru

Information about the authors

Valentina I. Ekimova, Doctor in Psychology, Professor, Head of Chair of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1480-3571, e-mail: ekimovavi@mgppu.ru

Tatiana Ju. Golik, Magister in Psychology, Specialist in Educational Process Organization, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0003-8579-3328, e-mail: goliktyu@mgppu.ru

Anastasija V. Levchenko, Magister in Psychology, Assistant, Chair of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-1425-2095, e-mail: levchenkoav@mgppu.ru

Вклад авторов

Екимова В.И. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи (теоретическая часть); планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Голик Т.Ю. — проведение эмпирической части исследования; сбор и анализ данных; применение статистических, математических и других методов для анализа данных; визуализация результатов исследования; написание и оформление рукописи (эмпирическая часть).

Левченко А.В. — участие в обработке и анализе данных; подготовка материалов публикации; написание и оформление рукописи (дискуссионная часть).

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Valentina I. Ekimova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript (theoretical part); planning of the research; control over the research.

Tatiana Ju. Golik — conducting the experiment; data collection and analysis; application of statistical, mathematical and other methods for data analysis; visualization of research results; writing and design of the manuscript (empirical part).

Anastasija V. Levchenko — in data collection and analysis participation; preparation of materials for publication; writing and design of the manuscript (discussion part).

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 30.04.2025
Поступила после рецензирования 14.05.2025
Принята к публикации 27.06.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.04.30.
Revised 2025.05.14.
Accepted 2025.06.27.
Published 2025.06.30.